

УДК 101.1:316+141.319.8

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.053

Научно-технический прогресс и цифровой мир в трансгуманистической парадигме как вызов современному обществу и человеку

Н. И. Петев

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир. ORCID: 0000-0002-8711-4400. E-mail: cyanideemo@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблемных моментов, связанных с оценкой научно-технического прогресса в рамках трансгуманистической парадигмы. *Актуальность* данной тематики заключается в том, что безграничная вера в техническое развитие, которая свойственна трансгуманистам и отдельным научным исследователям, поддерживающих первых, пресекает возможность эффективного анализа данного процесса. Таким образом, возникает возможность становления ситуации, которая приведет к неоднозначным последствиям, в том числе деструктивного характера. *Основная проблема* данной работы заключается в выявлении тех идей трансгуманизма (и анализа их содержания), которые в будущем, а некоторые уже сейчас, способны бросить вызов человеку и обществу. *Цель* работы состоит в выявлении противоречий, спекулятивных подмен и прагматической риторики различных идей и принципов данного течения. В данном исследовании был задействован комплекс *различных методов*. Метод деконструкции использовался как метод-провокация для выявления скрытого (драпированного) содержания идей трансгуманизма. Герменевтический подход необходим для выявления внутреннего нарратива основных концепций данного течения. Мысленное моделирование и конструирование позволяет раскрыть потенциальное развитие и воплощение трансгуманистических идей, для которых утверждается необходимость реализации. Диалектический метод позволяет выявить противоречивый характер установок трансгуманизма. Кроме того, в работе применялись этический и психологический подходы. *Выводы.* Вскрыто спекулятивное применение принципа «будущности» как алиби последствий идей трансгуманизма. Проанализирован и продемонстрирован эволюционный принцип трансгуманизма как искусственного и прагматического построения. Вскрыт феномен трансформации времени и пространства из явлений материальной объективности в атрибуты человеческого потребления (отождествление их с потребляемыми и контролируемыми ресурсами). Проанализированы феномены новизны и языка, выявлены деструктивные их метаморфозы под действием современных технологий, в том числе цифрового мира.

Ключевые слова: трансгуманизм, цифровой мир, эволюция, пессимум новизны, футурофобия, технологическая сингулярность, постчеловек.

Цифровое пространство является на сегодняшний день одной из наиболее развивающихся плоскостей пребывания и деятельности индивида. Благодаря своим специфическим качествам и свойствам цифровой мир является сферой безграничных возможностей, не привязанных к ограниченной материальности объективных пространства и времени. Данная плоскость представляет собой новую территорию, которую еще необходимо освоить человеку. Она позволит раскрыть потенциал как самого человека, так и откроет совершенно новые возможности.

Позитивная оценка цифрового пространства – это лишь одна сторона «медали» аксиологической оценки данного явления. Существует скептическое¹ и негативное отношение ко всему современному научно-техническому прогрессу человечества, в частности в рамках прогностического осмысления будущих нововведений. Одной из основных задач трансгуманизма является поддержание и использование научных достижений для улучшения умственных и

© Петев Н. И., 2022

¹ Иногда можно встретить и индифферентное отношение к тем проблемным моментам, которые вызваны развитием науки и техники. Кант И. видел в индифферентистах тех, кто стремится избавиться от мнимого знания и установить возможности разума [6, с. 10–11]. Скептиков же он сравнивает с кочевниками, что презируют всякое постоянное возделывание почвы и время от времени разрушают гражданское единство. На позиции критики скепсиса стояли Ницше Ф. [7, с. 169] и Швейцер А. [18, с. 7]. Можно согласиться с данными утверждениями лишь отчасти, так как элемент сомнения может быть полезным критерием исследования.

физических возможностей человека, а также избавление от негативных факторов экзистенции. «Трансгуманистическая Декларация» представляет собой манифест, провозглашающий рациональную необходимость и экзистенциальную неизбежность научно-технического прогресса, придерживаясь категорически положительной оценки реализации данного проекта. Особый схоластико-дидактический характер основных положений имплицитно предполагает таргетирование и интегрирование прагматических идей в сознание индивидов. Основная мотивация, обеспечивающая легитимность догматического принятия трансгуманистических утверждений/положений, – это будущность.

Обратим внимание на аспект будущности. Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что «главенствовать должно будущее, лишь оно диктует, как поступать с былым» [8, с. 81]. Рэнд А. настаивала на обратной позиции [10, с. 154–155]. Вопрос будущности – гипотетический вопрос, поэтому может использоваться как спекулятивная мотивация, целью которой может быть как прогресс, так и регресс. Лишь трансгрессивный акт реализации будущего в настоящее может решить подобную проблематику. Настоящему до становления будущего остается лишь одна прогностическая возможность в процессе выведения предполагаемых выводов и результатов.

Как и позитивизм, трансгуманизм предполагает, что, базируясь на собственно «научном», он не может быть разрушительным, и только это уже доказывает, что его идеи являются истинными, необходимыми, неизбежными и так далее. Трансгуманизм эскалирует маргинализацию и редукцию научного знания. Он использует алиби будущности для драпирования данных тенденций. Опора на будущность – это тавтологический прием, так как оно (будущее) только наступает/наступит в будущем. Различные его потенциальные сюжеты можно успешно варьировать, а при необходимости и корректировать. Это позволяет утверждать «существующим» самое желаемое, не требуя действительных доказательств. Такая опора на фантазию носит особый мотивационный характер. В спекуляциях на научных достижениях прослеживается схоластическая черта – обращение к абсолютному и установленному авторитету, а также становление догматики как критерия «истинности».

Далее рассмотрим такое понятие, как «эволюция», которое присутствует в рамках риторики трансгуманизма. Сомнительным является применение термина эволюция к процессу внедрения технологий во все области человеческой экзистенции. Подобный проект развития невозможно назвать эволюцией в традиционном смысле. Дело в том, что она предполагает наличие таких феноменов, как естественный отбор, мутационные процессы, адаптацию организма и так далее [4, с. 314; 12, с. 726]. Согласно идеологии трансгуманизма факторы развития человека имеют не естественно-биологический источник, а являются продуктом антропогенным. Но если рассматривать эволюцию как синоним филогенеза, то чисто номинально, при условии принятия истории как доминирующего фактора развития, можно применить данный термин к трансгуманистическому проекту. Кроме того, если рассматривать эволюцию в значении процесса возникновения новых форм движения материи, в частности социальной, то также возникает некая формальная возможность вышеуказанного отождествления.

Возникает вопрос: будет ли речь идти в рамках трансгуманистической эволюционной риторики собственно о человеке или о чем-то совершенно ином. Эволюционные процессы предполагают образование и обособление нового вида [12, с. 726]. Им в рамках вышеуказанной концепции является абстрактный «Постчеловек». Такие рассуждения могут быть использованы в пользу применения термина «эволюция» трансгуманизмом. Вышесказанное может стать благотворной почвой для формирования теории трансгуманистической эволюции или концепции технологической эволюции (как например, на почве постгуманизма предполагается появление новых дисциплин/разделов научного знания [21]). Жизнеспособность «эволюционных» идей трансгуманизма и эффективность их интегрирования в сознание индивидов зависит от успеха идеологической риторики, обоснованности практической сферой применения, а также склонностью к догматическому принятию.

Конкретика содержания эволюционного процесса, а также неоднозначный характер его последствий в трансгуманистической теории, нивелируются идеями провозглашения «истинного гуманизма»², свободы выбора и необходимости. Стоит подробнее остановиться на аспекте интерпретации понятия «необходимость» трансгуманистами. В целом данным термином описывают вещи или явления, которые отличаются присущей им всеобщей закономерной связью, имеют непосредственное отношение к развитию направления реальности и

² Гуманизм, который маскирует принцип технизма и радикального антропоцентризма.

так далее. Но стоит указать, что необходимость не сводится к неизбежности, так как последняя является лишь одной из стадий первой [9, с. 422]. Трансгуманизм вводит в своей наррации не столько смешение данных категорий, сколько замену внутреннего содержания необходимости приматом понятия неизбежность, наделяя необходимость бытийным, действительным и априорным характером. Принятие идей трансгуманизма как неизбежности является слишком позитивным и в целом невозможным на данном этапе развития человека, науки и техники. Можно установить для концепций данного течения статус номической необходимости. Для нее утверждается некое сходство с онтологической необходимостью [11], но такая аналогия возможна не в рамках законов универсального типа, но лишь в границах статистических законов, имеющих лишь вероятный или правдоподобный характер. Но даже такой шаг будет гиперболизированно положительной оценкой такой «необходимости». Адекватным является признание лишь их логической необходимости, имеющей вариативности.

Стоит обратить особое внимание и проанализировать трансгуманистическую интерпретацию человека. Трансгуманизм – это не разрозненные группы идеологов и сторонников. Он представляет собой консолидированное объединение исследователей в единую организацию. Еще в 1997 г. была создана «Всемирная трансгуманистическая ассоциация» (в настоящее время Humanity Plus). Этимология названия Humanity Plus латентно предполагает идею о некой экзистенциальной неполноценности «человечества» и об острой необходимости его усовершенствования. Существительное «плюс» имеет телеологическое назначение бартовского прилагательного (маскирующего слабое и придающего новые силы [1, с. 212]). Таким образом, постулируется, что человек как вид в той форме присутствия, которую он имеет, слишком устарел для настоящего и будущего.

Человек – явление биологическое со всеми присущими ему качествами и особенностями. По содержанию существует глубокая разница между биологическим и техническим развитием человека. Он как биологическая единица отсек себя от внешних природных факторов, чтобы развиваться в иной плоскости, поэтому техно-антропогенные факторы влияют интенсивнее и фундаментальнее. «Постчеловек» – продукт технического совершенства. Таким образом, подобно тому, как Homo Sapiens вытеснил Homo Neanderthalensis, так и новый технически усовершенствованный вид сможет вытеснить обычный биологический. Сегодня человек, не умеющий пользоваться имеющимися технологиями, отброшен на периферию жизни, в частности в социальном аспекте. Он находится в невыгодном положении, учитывая информационно-цифровой характер современного мира. Можно представить, какой может быть сегрегация, основанная на более радикальных изменениях. Поэтому человек как бы не может войти в новый мир в том состоянии, которое он имеет. Ему необходим «апгрейд» (подобно программе или компьютерной системе) для качественного функционирования.

Сама этимология термина трансгуманизм предполагает некий выход за пределы такого понятия, как человек и человечество. Необходимо пройти сквозь «человеческое» для обретения совершенно нового содержания. Проблематика состоит не только в самом факте преодоления границ, но и в их демаркации. Вопрошающим без определенного ответа остается также неоднозначность результатов такой экзистенциальной «транспозиции», то есть существует огромный диапазон потенциальных вариативностей. Вопросы возможности преодоления и наличия границ, которые не стоит преодолевать в настоящее время, являются лишь теоретическими конструктами. Несмотря на категорическое заявление о потребности в преодолении гуманизма, необходимо, чтобы реально наличествовало то, через что необходимо переступить. Человечество еще никогда за всю свою историю не реализовывало гуманистический проект (и даже близко не подходило к его осуществлению), хотя теоретических моделей существовало множество. Оно и в настоящее время находится на пути как к самосознанию (в поисках ответа «что такое человек?»), так и к дефиниции того, что же такое гуманизм.

Современный трансгуманизм раскрывает идею будущего человечества, которое во многих аспектах носит футуро-фантастический характер. Но в истории человечества всегда присутствуют идеи, связанные со скепсисом в аспекте только позитивной оценки влияния развития науки и техники. Хайдеггер М. критиковал доминирование принципа *techne* [15] и отмечал ограниченность наук во многих вопросах человека, в частности в аспекте онтологии [14, с. 9–13]. Аналогичное мнение высказывал Швейцер А. [17, с. 44, 98–99]. Трансгуманисты особенно остро реагируют на критику в отношении авторитетности научного прогресса, создавая оппозицию тем сферам человеческой деятельности, которые данное учение рассмат-

ривают как своего прямого оппонента³. Но критическое отношение к возможностям научного прогресса это не только, а скорее не столько неприятие, сколько рациональный противовес «слепой вере» в абсолютное благо технократии и техницизма. Антисциентизм наиболее ярко раскрывает проблему технофобии современного общества.

Вышеуказанное приводит к необходимости рассмотрения феномена страха в парадигме будущности, новаторства и технического прогресса. Американский социолог Тоффлер Э. создал концепцию футурошока (футуршока), согласно которой у человека/социума возникает защитная психофизическая реакция на стремительные и радикальные изменения в его окружении, вызванные ускорением темпов технологического и социального развития. Это некое ошеломление и оцепенение потенциальной будущностью, которая имеет характер гипотетического предположения об изменениях окружающей реальности. Такая реакция, по мнению автора концепции, связана не столько с будущим развитием, сколько с уже имеющимися новшествами, то есть с настоящим [13, с. 23–24]. Человек и социум не успевают адаптироваться к изменениям, поэтому и возникает это чувство. Оно в совокупности с экзистенциальным давлением со стороны объективной реальности может перерасти в футурофобию.

Футурофобия представляет собой острое чувство отторжения будущего (в том числе потенциально возможного), связанного с наличием новых феноменов, отношений, состояний и связей. Данная фобия вызывает внутреннее неприятие будущего со всем его новым. Инновационное изначально не принимается в один момент всем обществом/группой индивидов. Для того чтобы новое стало нормальным компонентом структуры человеческой экзистенции, оно должно пройти процессы стереотипизации и хабиутализации. Таким образом, новаторскому требуется процесс апробации публичностью. Поэтому и происходит становление проблематики «принципа необходимости» внедрения инновации в плоскость нормальности. В данном случае возникающая фобия – неудачная по месту и времени, выбору каналов интегрирования, а также по причине некорректной, неполной или частичной подготовки людей, попытка внедрения новшества. Инновациями требуется время для интегрирования в традицию, чтобы стать ее частью и обрести аналогичный статус.

Новшеству также необходимы инструменты/области, посредством которых будет происходить его внедрение непосредственно в социум. Такими сферами являются не только собственные области возникновения. Культура в целом и есть тот канал, который способен эффективно реализовать необходимый процесс интеграции, так как она задает общий вектор развития, устанавливает требования к человеку, предоставляет методы и инструменты решения проблем, в частности самые эффективные – новые разработки. Важно, чтобы сама культура была готова не столько принять нововведения, сколько внедрить их без последствий «культурного шока». Футурофобия в синтезе со страхом перед развитием науки и техники способна породить регрессивные и панические тенденции внутри социума.

Страх развития технологий предполагает непосредственное или опосредованное ощущение критической зависимости человека от этого прогресса как в настоящем (в меньшей степени), так и в будущем (как гипотетически предполагаемая радикальная кабала). При этом данная зависимость односторонняя, то есть это не взаимокоррелированное отношение. Человек в данном случае имеет статус пассивного и страдающего от влияния доминирующего технического примата объекта. Таким образом, процесс технической эволюции параллельно предполагает тенденцию нивелирования исключительности человека как онтологической единицы. Создание сильного искусственного интеллекта предполагает появление новой автономной экзистенциальной единицы. Подобное положение вещей, соответственно, разрушает принцип исключительности человека, на котором базируются системы, связанные с антропоцентризмом⁴. Парадокс человека заключается в том, что он желает исключить свое одиночество во Вселенной⁵, но также не желает терять свою единственность. Именно поэтому экзистенциальный и аксиологический статус «соседа» должен быть ниже, чем его собственный.

³ Мор М. критически относится к возможности синтеза религиозных идей и трансгуманизма [22, с. 8].

⁴ В частности, это касается и сильного антропного принципа (особенно антропного принципа участия), который отводит человеку особую и незаурядную роль. Хокинг С. выступает с острой критикой сильного антропного принципа, подчеркивая его слабую научную обоснованность [16, с. 154]. Но состоятельность антропного принципа (сильного и слабого) является полемическим вопросом и в настоящее время.

⁵ Стремление создать сильный искусственный интеллект, различные уфологические концепции, религиозные представления (о Боге, богах, духах и иных существах), концепция мультивселенной и так далее – все это указывает на некоторое стремление человека преодолеть экзистенциальное одиночество.

В рамках вопроса о техническом «апгрейде» индивида и социума возникает множество вопросов. Например, необходимо ли человеку чем-то пожертвовать ради новых достижений? Необходимо ли будет отбросить как рудимент нечто, что делает его самим собой? Если да, то что же это (то самое, что делает из него то, чем он является)? Насколько радикальными будут эти изменения?

Именно поэтому стоит обратить особое внимание на примат и логику, иницирующие легитимность модернизации человека в рамках трансгуманизма. Человечество еще не ответило на вопрос, что же такое человек. Человек – искусственное понятие. Если принять установку, что отсутствует некая основа, которая делает человека человеком, то нивелируется значение вышеуказанных вопросов, при этом в пользу сциентистов и трансгуманистов. Если отсутствует такой человеческий «фундамент» (что делает человека человеком) или он имеет естественное свойство изменяться, то новые модификации не имеют фатально негативного значения, и таким образом данные вопросы девальвируются. «Апгрейд» становится легитимным во всех аспектах, в том числе и с нравственной точки зрения.

Антисциентисты⁶ в ответ на установки радикального сциентизма стремятся подорвать абсолютизированный авторитет науки и техники. Можно указать на наличие стремления вышеуказанной позиции избежать девальвации не научных сфер человеческой жизни, а также пресечь деспотическое доминирование научно-технического компонента. В истории философии идею научного доминирования пытался реализовать позитивизм, но эта программа не только не была воплощена в реальность, но и стала стимулом появления другого, противоположного философского течения, а именно постпозитивизма. Так, например, «анархизм» Фейерабенда П. стоит на позиции лояльного и плюралистического отношения ко всем сферам человеческого существования, в том числе к религиозной и духовной.

Человеку и социуму всегда импонирует та устроенность, систематичность и объяснимость, которую может им предоставить наука и техника. Индивид хочет, чтобы все в мире было сведено к совокупности букв и цифр в формулах, к уравнениям или схемам с графиками. Но сам человек, общество и все мироздание оказываются намного сложнее операций суммирования, разности, дробления и так далее, чтобы было возможно выразить все вышеуказанное одной строчкой. Иногда в жизни слишком много непостоянных и скрытых переменных, которые затрудняют вычисления.

Далее стоит обратиться к феноменам реализации желаемого и удовлетворенности, которые могут быть иницированы в рамках воплощения в реальности идей трансгуманизма. Цифровое пространство, а также иные достижения науки и техники в настоящее время не являются роскошью, а представляют собой средство обеспечения комфорта⁷ и устроенности. Но комфорт снижает остроту необходимости развития и действует как ингибитор на мотивационные аспекты. Мир благодаря новым техническим достижениям становится мягким и податливым, не требующим усилий и готовым к употреблению. Цифровое пространство представляет собой «рог изобилия» такого комфорта, так как его специфические качества и особенности настолько автономны от требований материальной реальности, что способны удовлетворять практически любые прихоти индивида. Но такое «удовлетворение» является лишь фантазией, которая исчезает при столкновении с объективным миром физического присутствия человека.

Фатальной является ситуация, когда подобные химеры все-таки имеют аспект инкарнирования. Прихоти и блажь индивидуума/группы становятся репрессивными тенденциями для остальных индивидов. Более того, в рамках подобного положения вещей научные достижения, которые способны вывести человечество на новый уровень существования, превращаются лишь в инструменты удовлетворения потребительских желаний.

Стоит отметить, что цифровое пространство отчасти решает проблематику, которая в течение длительного времени волновала человека, а именно времени и пространства. Благодаря современным технологиям человек «экономит время», а также распределяет, накапливает⁸ и так далее (за счет высокой интенсивности функционирования социума благодаря со-

⁶ Конечно, в данном случае стоит говорить не о радикальных представителях, которые своими идеями не только не помогают решать актуальные вопросы, связанные с развитием науки, техники и цивилизации, но и их установки могут привести человечество к регрессу и возвращению в «каменный век».

⁷ Конформизм может распространяться даже на такое явление, как смерть [2, с. 310].

⁸ Такое накапливание имеет чисто условный и умозрительный характер, но индивидом может рассматриваться как действительный факт.

временному техническому оснащению). Он как бы владеет им. Подобное положение вещей схоже с феноменом коллекции [3, с. 123]. Иными словами, время представляет собой не явление объективной реальности. Оно становится атрибутом современного человека, то есть не условием его экзистенции, но лишь ресурсом, контролируемым различными девайсами.

Современному индивиду уже нет необходимости находиться в каком-то месте физически. Ее успешно компенсирует виртуальное присутствие: общение, работа, обучение, тренировки – все это может иметь дистанционный характер. При таком положении вещей объединение людей происходит не в рамках их физического присутствия, а на основе причастности к определенной цифровой области. В такой парадигме для многих индивидов общество как таковое перестает играть роль консолидирующего фактора. Необходимость в единстве сублимируется в причастность к виртуальному сообществу. Консолидацию индивидов при различном местоположении обеспечивает цифровое пространство и современные технологии. Возникает кризис общества как института. Оно теряет функцию регулирования и воздействия на индивида.

Теперь необходимо проанализировать важную черту трансгуманистической риторики, которая состоит в реализации проекта потребления. Одной из негативных тенденций научно-технического прогресса современного мира является ориентация на потребительство. Сегодня человек имеет достаточно широкий спектр возможностей для удовлетворения своих потребностей благодаря развитию технологии. Массовый человек не заботится о производстве благ, он желает лишь потреблять их по праву рождения [8, с. 58]. Отчасти этому способствовал рост массового производства. Данный вопрос о производительных силах решается трансгуманизмом достаточно просто, так как ими становится техника. Человеку останется лишь потребление.

Развитие техники уже само порождает ряд искусственных дополнительных потребностей, при этом не имеющих действительной необходимости. Оно порождает сверхнеобходимость⁹, задавая тем самым вектор потребительства, которое уже не имеет целью собственно удовлетворение. При таком положении вещей доминирующим является не качество потребляемого, а его статус «новизны». Индивиду необходимо потреблять именно «новое», и современные технологии позволяют делать это. Всем известная формула «спрос рождает предложение» изменяется, и теперь уже предложение рождает спрос. Индивид не выбирает, ведь за него это уже сделали бренды, производители, марки, компании и так далее. За него уже поработали желаемое и само желание. Для индивида-потребителя отводится роль пассивно претерпевающего. Парадоксально, что зачастую такое «новое» – лишь по-новому «открытое» старое. Небольшое изменение вызывает экстатический взрыв в массах, хотя в действительности инновационные изменения отсутствуют. Индивид довольствуется минимальностью инноваций – это пессимум новизны.

Важным аспектом современного, в том числе цифрового, мира является вырождение языка. Он не является статичным, а представляет собой динамически развивающуюся систему, трансформирующуюся в соответствии с особенностями времени и места. Можно отметить две наиболее яркие тенденции современного языка. Первая заключается в его редукции к чистому символу/знаку, который был бы способен передать совокупность информации с затратой наименьшего количества лингвистических элементов (яркими примерами являются стикеры, смайлы, неологизмы и так далее). Интенсивность процессов в обществе требует лингвистических реформ, иногда радикальных для языка и коммуникации. Вторая тенденция связана с некой универсализацией, которая предполагает как упрощение языка, так и его дополнение различными элементами из других языков, что предполагает потерю аутентичности языка¹⁰.

⁹ Сверхнеобходимостью можно назвать феномен, который представляет собой искусственно сформированную ступень развития и интегрирования в сознание индивида идеи необходимости. Она не только аналогична (но не тождественна) неизбежности, но и в отличие от последней обладает аспектом эфемерного сохранения свободы воли и выбора. Сверхнеобходимость не только не обладает какой-либо обязательностью или действительной необходимостью для человека, но и представляет собой успешный инструмент манипулирования, особенно эффективный в области применения в рамках массового сознания общества.

¹⁰ Хайдеггер М. указывал, что язык «поддается нашей голой воле и активизму и служит орудием нашего господства над сущим» [15]. Когда же воля подчинена чисто техническому, то есть неживому, что не способно к индивидуальному и единственному, а также что упрощено до знаков и символов, тогда и язык становится аналогичным. Он выражает не бытие, а лишь схему, модель и регламент техники.

Изменение языка влияет на процесс, специфику и качество мышления человека. Трансгуманисты рассматривают развитие технических возможностей как несомненный критерий улучшения интеллектуальных способностей индивида [20, с. 21]. Подобная риторика о развитии интеллектуализма и рациональности предполагает тенденцию подмены вышеуказанных феноменов компенсирующими техническими средствами. Более того, в современном мире радикальное доверие и опора на них со стороны человека носит гиперболический характер, что сказывается на развитии самого индивида (возникает слабое интеллектуальное напряжение).

Далее стоит указать на концепцию технологической сингулярности, с которой трансгуманизм связывает будущее положение человека и социума. Данным термином описывается гипотетический момент, после которого технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным пониманию [19]. Такими точками невозврата считаются: создание сильного искусственного интеллекта, появление самовоспроизводящихся машин, объединение человека и вычислительных машин и так далее¹¹. Развитие научно-технического прогресса, в том числе в рамках его автономного функционирования, становится настолько неконтролируемым и непрогнозируемым, что приобретает характер опасности для человека, так как не имея возможности регулирования данного процесса, он не может применить превентивные меры для ликвидации критических ситуаций (социальных, политических, экономических и так далее). Подобное положение вещей с одной стороны вызывает определенное опасение, которое продиктовано голосом разума и самосохранения¹². С другой – панический ужас может вызвать острую технофобию и футурофобию, что приведет к иррациональному и репрессивному отношению к любой форме развития. От оптимального решения этого вопроса отчасти зависит будущее человека, социума и техники.

Стоит обратить внимание на особый сотереологический статус, который присваивает себе трансгуманизм. Данное течение предполагает, что техническое развитие может спасти человечество, в частности благодаря концепции равномерного распределения технических достижений среди всех категорий/представителей социума. Одинаковый доступ к технологиям, таким образом, является инструментом социального уравнивания индивидов в группе. Однако в действительности подобное положение вещей носит характер утопии. Дело в том, что такой принцип¹³ противоречит основам и содержанию социальных, политических, экономических и прочих установок функционирования групп и в особенности различных государств.

Кроме того, сомнительным является принцип равномерного распределения, ведь индивиду/группе всегда хочется больше. Но трансгуманизм предполагает новый принцип абсолютного равенства, не правовой, но технический, который гипотетически должен решить все проблемы человечества. Предполагается, что развитие технологии создаст некое единое универсальное сознание, которое обеспечит вышеуказанный принцип. Но это также вызывает больше вопросов и сомнений.

Подводя итог, стоит сделать следующие выводы. Будущность в рамках риторики трансгуманизма используется как алиби для драпирования процесса редукции «научного». При этом желаемое обретает спекулятивный статус существующего. Данное течение стремится интегрировать и использовать в своей идеологии понятие эволюции, отождествляя ее с научно-техническим прогрессом. Но возможность этого условна и формальна. Концепция «Постчеловека» обеспечивает перспективу и легитимность применения данного термина к процессу потенциального становления некоего нового вида. Это позволяет построить некую концепцию трансгуманистической эволюции, хотя ее жизнеспособность вызывает сомнение и зависит от ряда факторов.

Трансгуманизм преднамеренно подменяет содержание понятия необходимость приматом термина неизбежность. Анализ указывает на отсутствие такой легитимности. Более того, в

¹¹ Одним из идеалов трансгуманистов является возможность синтеза биологического и технического, что позволит взять лучшее и исключить недостатки каждой из этих сфер.

¹² Самосохранения не только в биологическом, но и в экономическом, политическом, социальном и прочих аспектах, то есть сохранение привычного; всего того, что делает жизнь человека комфортной, безопасной и удобной.

¹³ Основная предпосылка проблематики заключается в том, что конфликты возникают только в борьбе за имеющиеся блага. Таким образом, равномерное их распределение, как в качественном, так и количественном аспекте, ликвидирует необходимость такого противостояния за ресурсы. Однако человеку не только всегда мало, но и он не будет ценить то, что будет ему доступно. Человек не ценит то, что не выделяет его среди других [5, с. 82]. Конфликты людей носят иногда совершенно иррациональный характер.

рамках идеологии данного течения можно говорить лишь о номической необходимости, но даже это чрезмерно позитивный шаг. Человек в трансгуманизме рассматривается как нечто неполноценное, поэтому ему требуется усовершенствование. «Апгрейд» производится посредством преодоления человека и всего, что можно назвать «человеческим». Таким образом, «Постчеловек» должен вытеснить менее совершенный вид, который «устарел» для нового мира. Феномен футурофобии связан с проблемой принятия будущего вместе с его нововведениями, в том числе научно-технического характера. Страх вызван ощущением зависимости человека от научно-технического прогресса. Она делает его пассивным и нивелирует исключительность.

Трансгуманизм использует положение о том, что не существует основы, делающей человека человеком, а поэтому и нравственные, правовые и иные нормы не нарушаются, что позволяет инициировать категорическую необходимость модернизации индивида. Тенденции к устроенности, удовлетворенности и потребительству являются позитивными факторами для реализации идей трансгуманизма. Даже такие феномены объективной реальности, как время и пространство, трансформируются из объективных явлений в атрибуты/ресурсы человека. Сверхнеобходимость – это искусственное явление, вызванное научно-техническим прогрессом. Она не имеет целью собственно удовлетворение, а желаемый продукт всегда нечто «новое», которое в действительности отсутствует. Современные метаморфозы языка приводят к изменению мышления. Трансгуманизм хоть и считает одной из своих главных задач интеллектуальное развитие человека, однако предполагает его подмену компенсирующими технологиями. Кроме того, стоит отметить, что трансгуманизм присваивает себе особый сотериологический статус. Он создает мир-утопию, в котором наличествует эфемерное «равномерное распределение благ».

Иррационально игнорировать не только научно-технический прогресс, но и его необходимость для человека и общества. Но важно понимать, что человеку следует разработать культуру использования технических средств. Индивид всегда пользуется словом «культура» для подчеркивания необходимости рационального построения и эффективного функционирования собственной деятельности (например, «культура речи», «культура мышления», «культура тела» и так далее). Техника и технология и как сфера деятельности человека, и как некий инструмент, которым пользуется человек, может приносить разные плоды в зависимости от того, как ими пользоваться. Нетрезвый водитель (как субъект, использующий техническое средство) представляет опасность как для себя, так и для других. Поэтому необходимо избежать такой ситуации, в которой человечество может превратиться в подобного водителя.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М. : Академический проект, 2014. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2015. 392 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
4. Васильева В. И. Эволюционное учение // Малая медицинская энциклопедия : в 6 т. Т. 6 / под ред. В. И. Покровского. М. : Медицина, 1996. С. 314.
5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Мн. : Харвест, 2001. 304 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2014. 736 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М. : Эксмо, 2018. 320 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2018. 256 с.
9. Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность // Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева и др. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 421–423.
10. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М. : Альпина Паблшер, 2018. 267 с.
11. Статья «Необходимость» // Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарика, 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/844/neobhodimost.htm> (дата обращения: 03.06.2022).
12. Статья «Эволюция» // Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. М. : Советская энциклопедия, 1986. С. 726.
13. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2004. 557 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академический проект, 2015. 460 с.
15. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Сайт, посвященный В. В. Библихину «Владимир Библихин». URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 03.06.2022).
16. Хокинг С. Краткая история времени: От Большого взрыва до черных дыр. СПб. : Амфора, 2017. 231 с.
17. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973. 337 с.
18. Швейцер А. Я родился в период духовного упадка человечества // Кризис сознания : сборник работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 5–11.

19. Amnon H. Eden, Eric Steinhart, David Pearce, James H. Moor. Singularity Hypotheses: An Overview // Singularity Hypotheses A Scientific and Philosophical Assessment. Cham, CH : Springer, 2012. Pp. 1–13. DOI: 10.1007/978-3-642-32560-1.

20. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. I. 1. Pp. 1–25. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html> (дата обращения: 03.06.2022).

21. Cipolla C., Crellin R. J., Harris O. J. Posthuman Archaeologies, Archaeological Posthumanisms // Journal of Posthumanism. 2021. Vol. 1. № 1. Pp. 5–21. DOI: 10.33182/jp.v1i1.1357.

22. More M. The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader. Oxford, UKJ : John Wiley & Sons, 2013. Pp. 3–17.

Scientific and Technological progress and the digital world in the transhumanist paradigm as a challenge to modern society and man

N. I. Petev

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Religious Studies,
Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov.

Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0002-8711-4400. E-mail: cyanideemo@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of problematic issues related to the assessment of scientific and technological progress within the transhumanist paradigm. The relevance of this topic lies in the fact that the boundless faith in technical development, which is characteristic of transhumanists and individual scientific researchers who support the former, prevents the possibility of an effective analysis of this process. Thus, there is a possibility of a situation that will lead to ambiguous consequences, including destructive ones. The main problem of this work is to identify those ideas of transhumanism (and the analysis of their content), which in the future, and some already now, are able to challenge man and society. The purpose of the work is to identify contradictions, speculative substitutions and pragmatic rhetoric of various ideas and principles of this trend. A set of different methods was used in this study. The deconstruction method was used as a provocation method to reveal the hidden (draped) content of the ideas of transhumanism. The hermeneutic approach is necessary to identify the internal narrative of the main concepts of this trend. Mental modeling and construction allows us to reveal the potential development and embodiment of transhumanistic ideas, for which the need for implementation is asserted. The dialectical method makes it possible to identify the contradictory nature of transhumanism attitudes. In addition, ethical and psychological approaches were used in the work. Conclusions. The speculative application of the principle of "futurity" as an alibi for the consequences of the ideas of transhumanism is revealed. The evolutionary principle of transhumanism as an artificial and pragmatic construction is analyzed and demonstrated. The phenomenon of transformation of time and space from the phenomena of material objectivity into the attributes of human consumption (their identification with consumed and controlled resources) is revealed. The phenomena of novelty and language are analyzed, their destructive metamorphoses under the influence of modern technologies, including the digital world, are revealed.

Keywords: transhumanism, digital world, evolution, pessimism of novelty, futurophobia, technological singularity, posthuman.

References

1. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. M. Academic project. 2014. 351 p.
2. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. M. Dobrosvet. 2015. 392 p.
3. Baudrillard Zh. *Sistema veshchej* [The system of things]. M. RIPOL classic. 2020. 256 p.
4. Vasilyeva V. I. *Evolucionnoe uchenie* [Evolutionary doctrine] // *Malaya medicinskaya enciklopediya : v 6 t. T. 6* – Small medical Encyclopedia : in 6 vols. Vol. 6 / ed. by V. I. Pokrovsky. M. Medicine. 1996. P. 314.
5. Hobbes T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine* [Philosophical foundations of the doctrine of the citizen]. Mn. Harvest. 2001. 304 p.
6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. M. Eksmo. 2014. 736 p.
7. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. M. Eksmo. 2018. 320 p.
8. Ortega y Gasset H. *Vosstanie mass* [The uprising of the masses]. M. AST. 2018. 256 p.
9. Pilipenko N. V. *Neobhodimost' i sluchajnost'* [Necessity and chance] // *Filosofskij enciklopedicheskiy slovar'* – Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed. by L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev et al. M. Soviet Encyclopedia. 1983. Pp. 421–423.
10. Rand A. *Dobrodetel' egoizma* [The virtue of egoism]. M. Alpina Publisher. 2018. 267 p.

11. Stat'ya "Neobhodimost'" – The article "Necessity" // *Filosofiya : Enciklopedicheskij slovar'* – Philosophy : An Encyclopedic dictionary / ed. by A. A. Ivin. M. : Gardariki, 2004. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/844/neobhodimost.htm> (date accessed: 06.03.2022).
12. Stat'ya "Evoluciya" – Article "Evolution" // *Biologicheskij enciklopedicheskij slovar'* – Biological encyclopedic dictionary / ed. by M. S. Gilyarov. M. Soviet Encyclopedia. 1986. P. 726.
13. Toffler E. *Shok budushchego* [Shock of the future]. M. AST. 2004. 557 p.
14. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. M. Academic project. 2015. 460 p.
15. Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter about humanism] // *Sajt, posvyashchennyj V. V. Bibihinu "Vladimir Bibihin"* – Website dedicated to V. V. Bibikhin "Vladimir Bibikhin". Available at: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (date accessed: 06.03.2022).
16. Hawking S. *Kratkaya istoriya vremeni: Ot Bol'shogo vzryva do chernyh dyr* [A brief history of time: From the Big Bang to black Holes]. SPb. Amphora. 2017. 231 p.
17. Schweitzer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. M. Progress. 1973. 337 p.
18. Schweitzer A. *Ya rodilsya v period duhovnogo upadka chelovechestva* [I was born in the period of the spiritual decline of mankind] // *Krizis soznaniya : sbornik rabot po "filosofii krizisa"* – Crisis of consciousness : a collection of works on the "philosophy of crisis". M. Algorithm. 2009. Pp. 5–11.
19. Amnon H. Eden, Eric Steinhart, David Pearce, James H. Moor. Singularity Hypotheses: An Overview // *Singularity Hypotheses A Scientific and Philosophical Assessment. Cham, CH : Springer, 2012. Pp. 1–13. DOI: 10.1007/978-3-642-32560-1.*
20. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // *Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. I. 1. Pp. 1–25. Available at: http://jetpress.org/volume14/bostrom.html* (date accessed: 03.06.2022).
21. Cipolla C., Crellin R. J., Harris O. J. Posthuman Archaeologies, Archaeological Posthumanisms // *Journal of Posthumanism. 2021. Vol. 1. No. 1. Pp. 5–21. DOI: 10.33182/jp.v1i1.1357.*